ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2018
XXVII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1632
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2018 № 1632

СОДЕРЖАНИЕ

3121-3128 Профессор Йоханнес Лепиксаар (1907-2005) – орнитолог, зоолог и остеолог. Е. Э. ШЕРГАЛИН

3128-3130 Питание луговых луней *Circus pygargus* зайсанскими круглоголовками *Phrynocephalus melanurus* в песках Зайсанской котловины. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ

3132-3141 Бледный дрозд *Turdus pallidus* во вторичных смешанных лесах на юге Дальнего Востока. О. П. ВАЛЬЧУК

3141-3142 Наблюдения лопатней *Eurynorhynchus pygmeus* на побережье Японского моря в Лазовском заповеднике в августе 1986 года. Д. А. БАНИН

3143 Новые сведения о миграциях охотского улита *Tringa guttifer*. В. А. НЕЧАЕВ

3143-3144 Находка восточного зуйка *Charadrius veredus* в юго-восточной Туве. В. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

3144-3145 Кроншнеп-малютка *Numenius minutus* и песочник-красношейка *Calidris ruficollis* в Казахстане. В. В. ХРОКОВ

3145 Белая сова *Nyctea scandiaca*, бородатая неясыть *Strix nebulosa* и сизоворонка *Coracias garrulus* в Ярославской губернии. Л. АЛЕКСАНДРОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2018
Дата опубликования: 14 июня 2018

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVII
Express-issue

2018 № 1632

CONTENTS

3121-3128 Professor Johannes Lepiksaar (1907-2005) – ornithologist, Zoologist and osteologist. E . E . S H E R G A L I N

3128-3130 Montagu's harriers *Circus pygargus* feed on Saissan toad-headed agamas *Phrynocephalus melanurus* in the sands of the Zaisan basin. N . N . B E R E Z O V I K O V

3132-3141 The pale thrush *Turdus pallidus* in secondary mixed forests of Southern Far-East. O . P . V A L C H U K

3141-3142 Observations of the spoon-billed sandpiper *Eurynorhynchus pygmeus* on the coast of the Sea of Japan in the Lazovsky Reserve in August 1986. D . A . B A N I N

3143 New information about migrations of the spotted greenshank *Tringa guttifer*. V . A . N E C H A E V

3143-3144 The find the oriental plover *Charadrius veredus* in southeastern Tuva. V . I . E M E L Y A N O V

3144-3145 The little curlew *Numenius minutus* and red-necked stint *Calidris ruficollis* in Kazakhstan. V . V . K H R O K O V

3145 The snowy owl *Nyctea scandiaca*, great grey owl *Strix nebulosa* and European roller *Coracias garrulus* in Yaroslavl province. L . A L E X A N D R O V

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2018

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1632****: 3121-3128*

Профессор Йоханнес Лепиксаар (1907-2005) – орнитолог, зоолог и остеолог

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2018

Известный эстонский орнитолог, зоолог, остеолог и палеозоолог профессор Йоханнес Лепиксаар (1907-2005) родился 20 ноября 1907 года в небольшом городе Раквере, что в 100 км к востоку от Таллина по пути на Санкт-Петербург, а покинул нас 7 апреля 2005 года, не дожив всего трёх лет до своего векового юбилея.

Йоханнес Лепиксаар в Тарту до войны.
Фото проф. Виктора Мазинга.

До второй Мировой войны Йоханнес работал в Тартуском университете, а в 1939 году занял пост консерватора зоологического музея университета. В 1933-1937 годах он изучал и определял кости животных, обнаруженные в Ламмасмяэ, Куусалу и в других местах Эстонии. Он был зоологом очень широкого профиля, интересуясь и териологией, и орнитологией, и ихтиологией. Доктор Лепиксаар стал одним из основоположников экологической этологии в Эстонии и крупнейшим палеозоологом Скандинавии и Северной Европы.

Во время практических занятий с остеологическим материалом в Тартуском университете весной 1929 года. Йоханнес стоит в заднем ряду третий слева. Фото из архива проф. Ээро Лооне.

На практикуме по зоотомии и систематике позвоночных в Тартуском университете в весенний семестр 1929 года. Йоханнес сидит в первом ряду третий справа. Фото из архива проф. Ээро Лооне.

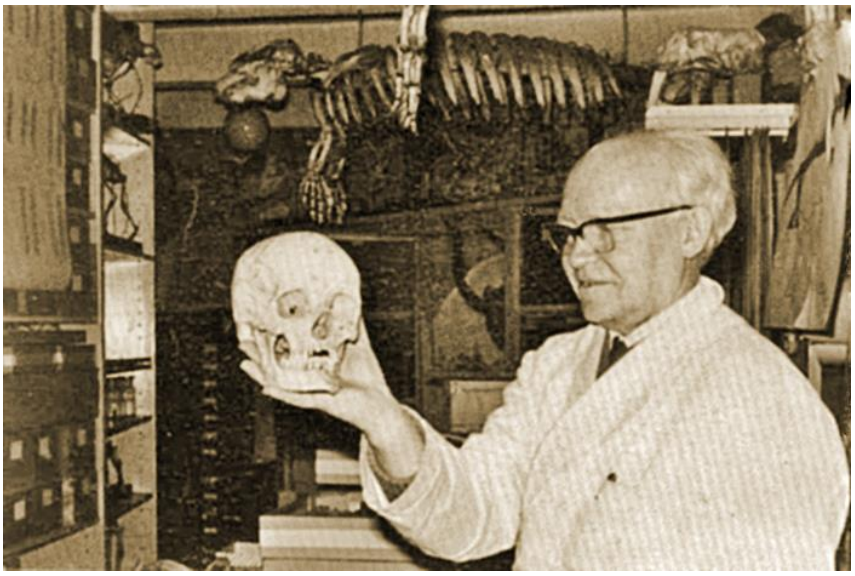
Нам кажется уместным привести ниже перевод на русский язык некролога, написанного по поручению всех студентов ЛЕПИКСААРОВ Лейфом Йонсоном из Музея природы Гётеборга в Швеции и опубликованного в бюллетене «Археозоологии» в 2005 году.

«Йоханнес Лепиксаар скончался в ночь на 7 апреля 2005 года в возрасте 97 лет. Среди археозоологов его имя хорошо известно и глубоко уважается. Он был выдающимся исследователем, отличавшимся

большой глубиной и широтой своих работ. Рождённый в Эстонии, Йоханнес и его супруга Ниина оставили страну в конце Второй мировой войны [в сентябре 1944 года – *Е.Ш.*]. В Эстонии во время нацистской оккупации они потеряли членов семьи и вынуждены были оставить на Родине всё, что сделали и создали на зоологическом отделении Тартуского университета. Однажды ночью они пересекли Балтийское море на маленькой рыболовной лодке и в качестве беженцев причалили к берегу шведского острова Готланд. На протяжении нескольких лет они сперва работали в Упсале, пока в 1949 году Йоханнес не получил место в Музее природы в Гётеборге, где и проработал до своего выхода на пенсию в 1972 году.

Профессор Йоханнес Лепиксаар в Гётеборге.
Из архива Музея природы Гётеборга.
Фото А.Левинссона.

Йоханнес начал публиковать работы по истории фауны позвоночных в голоцене ещё когда он жил в Эстонии и продолжил этим заниматься в Гётеборге. В течение многих лет он олицетворял палеозоологию в Швеции. Он превратил остеологические сборы музея в выдающуюся научную и учебную коллекцию. Большинство таксонов позвоночных из Северной Европы были представлены в его ключевой коллекции костей, в которой в систематическом порядке, элемент к элементу, располагались тысячи этикетированных косточек в этикетированных коробках в выдвижных ящиках.



Профессор Лепиксаар с самым узнаваемым экспонатом остеологической коллекции позвоночных.

Способности Йоханнеса определять рыб и птиц по костям вскоре была признаны его европейскими коллегами, и остеологическая коллекция в Гётеборге превратилась в центр палеозоологических исследований и обучения. Форма организации ключевой коллекции костей стала модельной для многих музеев в Европе. Чтобы достичь такого успеха в работе с костями, нужно хорошо знать анатомию, систематику, филогению, биогеографию, экологию, биологию развития, физиологию и ещё очень многое. Именно здесь Йоханнес выступал в роли учителя, опираясь на весь свой опыт, полученный ещё в Эстонии. Его секция позвоночных в музее стала неформальным отделением университета, где было всегда много студентов, главным образом из-за границы. Мы штудировали учебники по анатомии, написанные Йоханнесом: «Остеология рыб», «Остеология птиц» и другие из этой серии. Эти работы отнюдь не были компиляцией существующей литературы. Они были наполнены описаниями и рисунками строения костей, которые облегчают их определение. В то время *nomina anatomica* ещё не существовало для скелета рыб и описательные имена для разных элементов предстояло ещё разработать. В своей «Остеологии рыб» Йоханнес предпринял первую попытку создать «номина анатомика» для скелета костистых рыб. Попутно заметим, что в самом ближайшем будущем мы собираемся всю его серию «Остеология» сделать доступной в pdf формате. Остеология рыб и птиц не преподавалась в университетах Швеции, что превращало «отделение Лепиксааров» в единственное место в стране, где можно было получить такие знания.

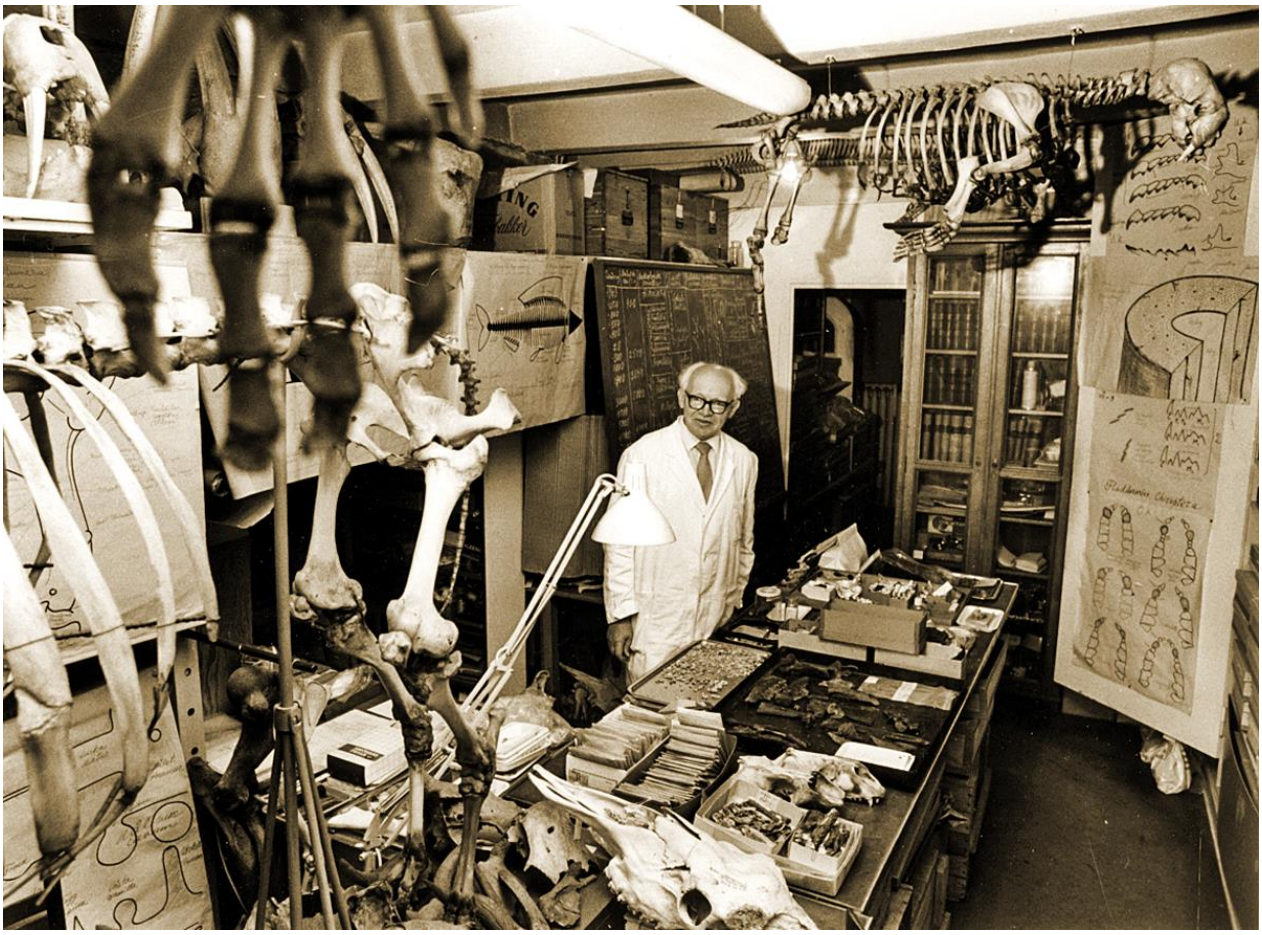
Йоханнес Лепиксаар всегда очень охотно делился своими званиями и опытом. Как учитель, он всегда отвечал на ваши вопросы вместо того, чтобы указать на источник, где вы могли бы сами поискать ответ на вопрос. Его теоретические построения были чужды эпигонства и дог-

матизма. Однажды мы сделали открытие, которое заставило Йоханнеса изменить его биогеографические реконструкции. Он немного поворчал, а затем поздравил нас. Все, кто посещал Лепиксааров на протяжении многих лет, всегда чувствовали их гостеприимство, были у них как у себя дома и пребывали в очень дружеской атмосфере. Посетители могли остаться для работы в библиотеке их дома, где всегда была кровать для ночлега, но большинству посетителей не удавалось поспать, так как пребывание в этом доме превращалось в круглосуточные дискуссии. Если вы хоть раз бывали у Лепиксааров в их доме, вы могли убедиться, что и Ниина, и Йоханнес составляли гармоничный исследовательский дуэт. Однако это совсем не явствует из публикаций, так как научные статьи выходили под именем Йоханнеса. Ниина была ботаником с глубокими познаниями этноботаники и культурной истории. Вместе они разрабатывали методы ботанической орнитологии в лесах Эстонии, нанося на карту расположение птичьих гнёзд и анализируя их строительный материал. Их широкие интересы и за пределами биологии позволяли им легко находить различия между культурными и естественными местонахождениями остатков животных. Тафономия была частью методологии Йоханнеса. Например, он использовал её для выявления различий в потреблении мяса между социальными группами населения в средневековых городах, для изучения депозиционных процессов.

После выхода на пенсию Йоханнес переместил свою научную деятельность в свой дом. Год от года его обитель заполнялась книгами, научными отчётами, обзорами и корреспонденцией, всё это тщательно упорядочивалось Нииной. Вскоре дом превратился в лабиринт книжных полок. Когда Ниина скончалась, Йоханнес остался один. Он очень сильно страдал всю свою жизнь от последствий полиемиелита, который деформировал его ступни. Без Ниины он не мог самостоятельно покинуть дом. Но он никогда не просил помощи. И ему всегда было неудобно принимать помощь от любезного и внимательного персонала социальных служб. Как беженцы из Эстонии, они с Нииной всегда испытывали чувство благодарности за убежище, которое они получили в Швеции, и они не хотели беспокоить других людей. Когда Ниина заболела и вынуждена была остаться в больнице, мы старались помочь Йоханнесу в бытовых делах. Старый сосед, живший в том же самом здании, оказывал Йоханнесу огромную поддержку и помощь в течение последних его десяти лет.

Йоханнес Лепиксаар не хотел оставлять незавершённых дел после своего ухода из жизни. Уже будучи пенсионером, он написал много статей, обобщающих разные аспекты его научной деятельности. В течение более 50 лет он был ведущим специалистом в истории голоценовой фауны позвоночных в области Фенноскандии. Его работы в этой

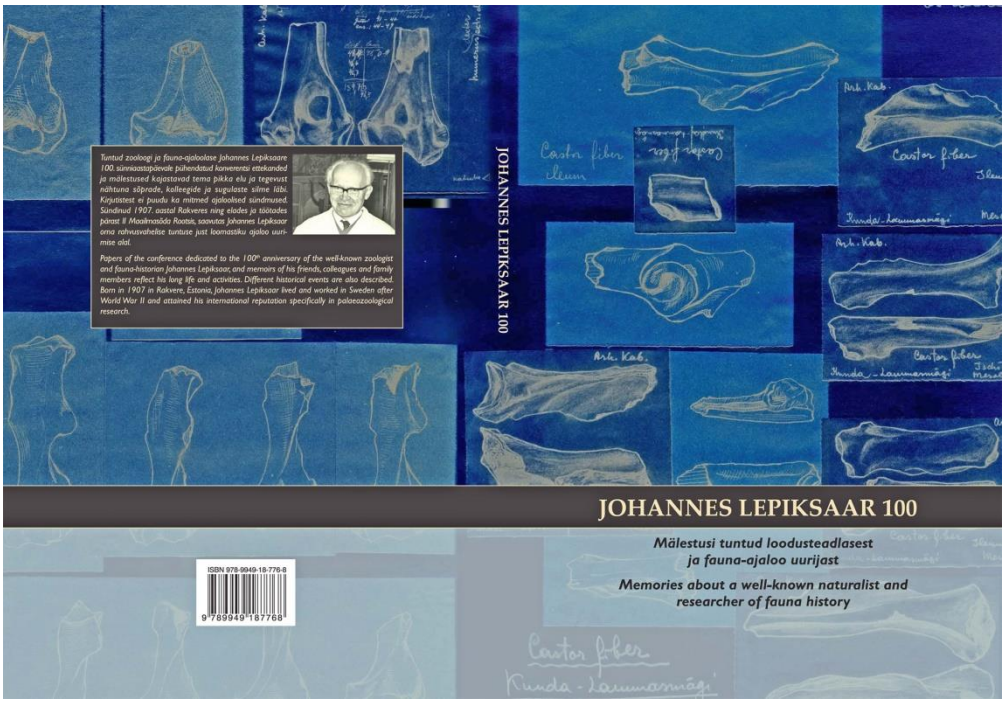
сфере заложили фундамент здания, которое мы продолжаем выстраивать и сейчас. Лепиксаары были учителями и научными руководителями, наставниками для нескольких поколений палеозоологов, таксономистов, систематиков и экологов не только в Скандинавии и Европе, но и во всем мире. У них не было собственных детей, но вместо них они усыновляли и удочеряли нас, своих студентов, и становились бабушками и дедушками наших детей. Йоханнес и Ниина были счастливы сознавать, что их любимая Эстония вновь независима, но они уже никогда в неё не возвращались. Огромной радостью для них было учить студентов с их Родины. Библиотека Лепиксааров и рукописи, согласно их завещанию, после их кончины были перевезены в Эстонию, чтобы помочь восстановить палеозоологию в этой стране.



Профессор Йоханнес Лепиксаар в окружении своей любимой коллекции в Музее природы Гётеборга.

С уходом Ниины и Йоханнеса Лепиксаар закончилась целая эпоха в развитии археозоологии в нашей части Европы, их кончина стала большой утратой для коллег во всем мире. Мы искренне скучаем по ним, нам их недостаёт. Мы всегда будем помнить долгие вечера и ночи жарких дискуссий, вкус эстонской пищи, приготовленной Ниной и встречи в их доме с коллегами из других стран. – *По поручению всех студентов и учеников Лепискаров, Лейф Йонссон*» (Jonsson 2005).

И в заключение два интересных факта из биографии нашего героя. В возрасте четырёх лет, когда маленький Йоханнес заболел полиомиелитом, его родители предприняли отчаянный шаг и в надежде поправить здоровье сына в 1913 году переехали в Санкт-Петербург. К сожалению, врачи в ту пору были бессильны против этого заболевания. В первый класс Йоханнес пошёл в русскую гимназию в Петербурге, в которой в совершенстве освоил русский язык. Затем перешёл в коммерческую гимназию Каспара Мазинга. Преподавание в этой школе велось на русском языке, но состав учеников был интернациональным – половина детей были русскими, а другая половина состояла из представителей всего национального состава Российской империи. Кроме Йоханнеса, в его классе учились ещё два эстонских мальчика. Йоханнес проучился в Петрограде до 1917 года. Вскоре после переезда в Петербург умер его отец. Матери стало очень трудно с больным сыном в Петрнограде и она переехала к своей старшей сестре в Москву. Там Йоханнес учился в школе до 1920 года, пока Эстония не была провозглашена независимым государством по условиям Тартуского мирного договора. Подобно многим другим эстонцам, Лепиксаары пожелали вернуться домой. После семи лет, проведённых в России, заканчивал учёбу в школе Йоханнес уже в родном городе Раквере. Здесь он стал посещать кружок юных натуралистов, а после окончания школы поступил в Тартуский университет.



Сборник, выпущенный к столетию со дня рождения Йоханнеса Лепиксаара.

Начав жизнь в Швеции в качестве беженцев с полного нуля, Лепиксаары вели очень скромный, если не сказать аскетический образ жизни. Исследователи, разбиравшие их архив, обратили внимание на

то, что Лепиксаары продолжали пользоваться источенными карандашами длиной всего в 2 см. Полностью увлечённые наукой, они практически не обращали внимания на быт.

В 1990 году Йоханнес Лепиксаар за огромный вклад в развитие зоологии и особенно археозоологии, в том числе и птиц, был избран почётным членом Эстонского орнитологического общества. В 2007 году в Таллине прошла конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Йоханнеса Лепиксаара и посвящённая его работе и жизни. По результатам конференции в 2009 году был издан сборник статей на четырёх языках: английском, немецком, шведском и эстонском.

Супруги Лепиксаары похоронены вместе в одной могиле на одной из кладбищ Гётеборга.

Литература

Johannes Lepiksaar 100: mälestusi tuntud loodusteadlasest ja fauna-ajaloo uurijast Johannes Lepiksaarest / Memories about Johannes Lepiksaar - well-known naturalist and researcher of fauna history. 2009. Tallinn: 1-79.

Jonsson L. 2005. Obituary – Johannes Lepiksaar // *Newsletter. International Council for Archaeozoology* **6**, 1: 4, 15.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1632**: 3128-3130*

Питание луговых луней *Circus pygargus* зайсанскими круглоголовками *Phrynocephalus melanurus* в песках Зайсанской котловины

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2018

Летом 2016 и 2017 годов совместно с герпетологами М.А.Чириковой и Т.Н.Дуйсебаевой трижды совершены поездки в Зайсанскую котловину с целью изучения изолированной популяции центральноазиатской *Eremias vermiculata* и глазчатой *Eremias multiocellata* (=*E. dzhungarica)* ящурок в песках Айгыркум, лежащих вдоль границы Казахстана и Китая. Во время обследования песчаного массива Кабыргатал восточнее посёлка Улькен Каратал выявлена устойчивая трофическая связь живущих здесь луговых луней *Circus pygargus* с многочисленными зайсанскими круглоголовками *Phrynocephalus melanurus*.

Рис. 1. Места обитания зайсанской круглоголовки *Phrynocephalus melanurus*.
Закреплённые пески Айгыркум. 26 августа 2017. Фото автора.

Рис. 2. Зайсанская круглоголовка *Phrynocephalus melanurus*, затаившаяся при опасности.
Пески Кабыргатал. 18 июня 2016. Фото автора.

Рис. 3. Линяющая зайсанская круглоголовка *Phrynocephalus melanurus* в позе затаивания.
Пески Кабыргатал. 25 августа 2017. Фото автора.

В Айгыркумах луговые луни обитают по заболоченным низинам, густо заросшим тростником по окраинам закреплённых и бугристых песков. Это безводные низовья речек и ручьёв, стекающих со склонов хребтов Сайкан и Саур, а также понижения, заполненные весенними талыми водами. К середине лета, когда увлажнённые места обсыхают, местные жители выкашивают тростники и сопутствующее разнотравье на корм для домашнего скота. Поэтому после подъёма молодняка луней на крыло их чаще всего можно видеть среди подобных покосов. Многократные наблюдения за охотничьими полётами самцов луней с барханов и других возвышенных мест показали, что в поисках добычи они удаляются до 3 км вглубь песков. Обычно их можно видеть медленно летающими над закреплёнными песками, поросших полынью, кустами жузгуна и тамарикса (рис. 1).

В таких местах часто встречаются участки развеянного песка, на которых обычны зайсанские круглоголовки (рис. 2, 3), составляющие основной фон псаммофильного комплекса. Обычно луговые луни совершают свои поисковые полёты на высоте 3-5 м, однако при встречном ветре могут продвигаться на высоте 1-1.5 м своеобразным «стелющимся» полётом. Увидев добычу, лунь резко затормаживает движение и, сделав крутой разворот, опускается вниз, выставив вперёд лапы. Иногда, видя бегающую рептилию, он зависает на месте и, выждав подходящий момент, парашютирующим способом опускается на неё. Умертвив добычу, он поедает её на месте или же уносит птенцам, держа её в лапах.

В отличие от ящурок, которые в случае опасности тотчас шмыгают в ближайшую куртинку полыни, круглоголовки чаще всего замирают на месте или же начинают зарываться в песок, поэтому ловятся лунями чаще всего. Попыток поймать глазчатых и центральноазитских ящурок не наблюдалось, так они в Кабыргатале они живут по склонам и вершинам высоких песчаных гряд, куда луни залетали очень редко. На основании наших наблюдений есть все основания предполагать, что луговые луни, гнездящиеся вдоль песков Айгыркум, специализируются в основном на питании зайсанскими круглоголовками.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1632****: 3132-3141*

Бледный дрозд *Turdus pallidus* во вторичных смешанных лесах на юге Дальнего Востока

О.П.Вальчук

*Второе издание. Первая публикация в 1990**

Бледный дрозд *Turdus pallidus* – обыкновенная, но немногочисленная гнездящаяся птица юга Дальнего Востока с довольно равномерным распределением. Сведения об этом виде всё ещё недостаточны, фрагментарны данные о распространении и численности (Кисленко 1965, 1969; Кулешова и др. 1965; Назаренко 1968а,б, 1971, 1984; Коренкова 1969; Елсуков 1984; Кушнарёв 1984; Симонов 1985); гнездовая биология хрестоматийно освещена лишь в крупных монографиях (Воробьёв 1954; Гладков 1954; Панов 1973).

Материал для статьи собран в 1977 году в Приморье (окрестности посёлка Хрустальный Кавалеровского района) и в 1979-1987 годах в Хабаровском крае (Соболевское охотничье хозяйство Вяземского района и окрестности села Малышево Хабаровского района). Исследования проводились в различных вторичных смешанных лесах. По общепринятым методикам изучались гнездовая биология, питание гнездовых птенцов; проведены учёты численности (без поправки на активность пения) птиц на маршрутах в гнездовой период (около 200 км). Просмотрены птицы из коллекций ЗИН АН СССР, МГУ, ДВГУ и БПИ ДВО АН СССР. Насекомых из проб корма определяли Г.Ш.Лафер, А.Б.Егоров, В.С.Кононенко, Е.А.Беляев, А.И. Купянская, В.Н.Макаркин; плоды и семена растений – Ю.С.Полейчук и В.А.Нечаев. В сборе материала активное участие принимали Т.М.Стороженко, Т.Н.Рыбалко, Н.В.Небайкина. Всем названным лицам автор искренне признателен.

На юге Приморья бледные дрозды появляются во второй декаде апреля, первая песня отмечена 16 апреля (Панов 1973). Взрослые самцы с гонадами, готовыми к размножению (4×2 мм), добывались в Приморье на реке Кедровой 20 апреля 1960 (Назаренко, ЗИН) и на Хасане 19 апреля 1964 (Лабзюк, зоомузей ДВГУ). В Хабаровском крае интенсивно поющие самцы встречены в Соболевском охотхозяйстве 25 и 29 апреля 1980. Разбивка на пары и распределение по гнездовым биотопам происходят, по-видимому, в конце апреля, так как отдельные пары уже в первых числах мая приступают к гнездованию. 5 июня 1985 в смешанном лесу в окрестностях села Малышево найдено гнездо бледного дрозда с 5 птенцами в возрасте 10-12 дней. Постройка этого гнезда могла начаться не позднее 5 мая. Ещё два гнезда птицы начали строить 13-15 мая. В Приморье основная часть местной популяции

* Вальчук О.П. 1990. Бледный дрозд – *Turdus pallidus* Gm. во вторичных смешанных лесах на юге Дальнего Востока // *Экология и распространение птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 6-14.

приступает к гнездованию в последней декаде мая (все 6 гнёзд в окрестностях посёлка Хрустальный построены с 20 мая по 2 июня 1977); в Хабаровском крае – на неделю позже (с 26 мая по 10 июня). В это время самцы интенсивно поют на утренних и особенно на вечерних зорях. Утром пение начинается в 4 ч – 4 ч 30 мин, вечером – в 19 ч. Максимальная активность пения длится 1.5-2 ч. Песня бледного дрозда представляет собой несколько (обычно 3-4) коротких мелодичных трелей средней тональности, заканчивающихся отрывисто и слышимых на расстоянии до 400 м. Поющие самцы прячутся обычно в среднем ярусе леса, очень осторожны и редко позволяют наблюдателю приблизиться к месту пения.

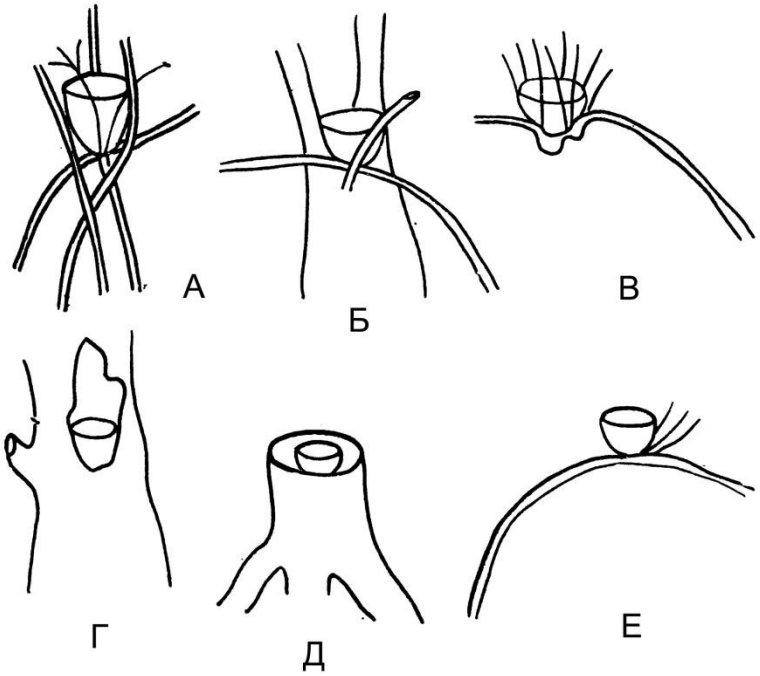
В районе наших исследований повсеместно отмечены неконкурентные взаимоотношения бледного и сизого *T. hortulorum* дроздов, причём перекрывание различных внешних признаков гнёзд, кладок и птенцов, сроков размножения и стереотипов поведения птиц настолько глубоко, что зачастую в отсутствие хозяев невозможно определить, какому виду принадлежит найденное гнездо. Отличительные признаки окраски, формы и размеров яиц, характеристик гнёзд рядом живущих видов, приводимые предыдущими исследователями (Воробьёв 1954; Гладков 1954; Панов 1973), представляются неубедительными, так как выведены на основе небольшого материала и, скорее, являются индивидуальными особенностями отдельных пар.

Северную границу ареала *T. pallidus*, входящего в ядро видов хвойно-широколиственных лесов, связывают с северным пределом распространения этих лесов (Назаренко 1968а,б). А.А.Назаренко (1984) указывает бледного дрозда в Приморье для смешанных и темнохвойных лесов до 1600 м над уровнем моря; численность вида сходна (до 8 пар на 1 км^2) в чернопихтово-широколиственных, хвойно-широколиственных и экотонных – от смешанных к темнохвойным – лесах на высотах до 600 м н.у.м. С дальнейшим продвижением вверх в пихтово-еловые леса численность заметно снижается. Сходные цифры приводит Г.С. Кисленко (1965, 1969) для кедрово-широколиственных и темно-хвойно-широколиственных лесов юга Хабаровского края. Многие исследователи не обнаружили бледного дрозда в коренных долинных многопородных широколиственных лесах, ильмовниках, ясенево-ильмовых лесах и дубняках (Кулешова и др. 1965; Коренкова 1969; Назаренко 1971; Кушнарёв 1984). Е.Н.Панов (1973), напротив, указывает, что хотя бледный дрозд наиболее типичен для хвойно-широко-лиственных лесов, он занимает и различные типы дубняков (паркового типа, многоярусные, многовидовые дубово-широколиственные), причём численность вида увеличивается по направлению к горным хребтам и достигает максимума на высотах 700-900 м н.у.м. С.Б.Симонов (1985) учитывал бледного дрозда в гнездовой период в ясенево-дубовом лесу, а

С.В.Елсуков {1984) отметил его гнездование в лесах непосредственно у моря (по прибрежным склонам и приморским низменностям). Такие несколько противоречивые данные говорят о непостоянстве и несбалансированности численности бледного дрозда (Назаренко 1971), о его высокой экологической пластичности в выборе местообитаний и о неизбежности контактов с другими видами дроздов на местах гнездования. Е.Н.Панов (1973), указывая на существование некоторого перекрывания в распределении бледного, сизого и сибирского *Zoothera sibirica* дроздов, считает, что всё же имеется определённый экологический викариат, по крайней мере между двумя первыми видами. Вероятно, это справедливо для ненарушенных или слабо изменённых лесных формаций и сплошных лесных массивов, где бледный дрозд распределён равномерно, а сизый концентрируется в полосе опушек. В обширных вторичных лесах с высокой мозаичностью, наличием множества дорог, полян, вырубок н гарей перекрывание в распределении дроздов настолько велико, что они селятся не только в сходных условиях, но и в непосредственной близости друг от друга, причём чем сильнее выражена вторичность фитоценозов, тем ближе численность живущих в них видов дроздов. Так, в окрестностях посёлка Хрустальный сизый и бледный дрозды входили в комплекс доминирующих видов широколиственных лесов долины (4-5 пар/км^2), *T. pallidus* был обычен в ольховнике и белоберезниках, а в одном узком горном распадке с хвойно-широколиственным лесом вдоль ключа на протяжении 1.5 км три гнезда бледного дрозда чередовались с тремя гнёздами сибирского (сроки гнездования всех этих птиц полностью совпадали). В Соболевском охотхозяйсгве в смешанных лесах, пройдённых промышленными рубками 20 лет назад, в 1979-1983 годах численность бледного дрозда составила 0.5-2.78, сизого дрозда – 2.7-7.0 пар/км^2; в многопородных дубняках склонов предгорий Сихотэ-Алиня – 0.79-2.5 пар/км^{2}и 5.4-10.0 пар/км^2 соответственно. В сильно нарушенных осветлённых и медленно восстанавливающихся смешанных дубняках окрестностей села Малышево в 1985 году на маршрутных учётах отмечено от 1.28 до 6.51 пар на 1 км^2 сизого и от 1.25 до 8.86 пар/км^2 бледного дроздов. Находящиеся под наблюдением гнёзда бледного дрозда располагались в мелколиственных, преимущественно белоберезово-осиновых куртинах среди смешанных лесов невысоких склонов (6), в хвойно-широколиственной уреме долин горных речек и ручьёв (6) и в дубняках различного типа (14). В сильно нарушенных лесах бледный дрозд, как и сизый, охотно селится у дорог, в густых ленточных древесно-кустарниковых зарослях, в вершинах оврагов и на заросших просеках.

Способы расположения гнёзд не отличаются оригинальностью, но хорошо адаптированы к местным условиям (см. рисунок). Так, в окрестностях посёлка Хрустальный гнёзда бледного дрозда часто располага-

лись в переплетениях густых верхушечных ветвей кустов жимолостей и барбариса (А), образующих здесь густой подлесок; в многопородных долинных лесах Соболевского охотхозяйства – в развилках стволов и в основании боковых ветвей деревьев (Б); в дубняках окрестностей села Малышево, где почти все кусты лещины имеют густые верхушечные «ведьмины мётлы», дрозды особенно охотно селились в них (В). Как и сизый дрозд (Вальчук и др. 1984), в первую половину лета бледный дрозд выбирает для гнездования развилки стволов деревьев ближе к земле, использует полудупла (Г), трухлявые пни (Д) и иногда ниши между корнями вывороченных больших деревьев. Во второй половине лета с развитием пышного зелёного покрова гнёзда бледного дрозда располагаются в густых кустарниках (А, В) или на горизонтальных стволах деревьев под шатром боковых ветвей или лиан (Е); в коренных лесах с участием хвойных *T. pallidus* часто устраивает гнёзда в основании густых горизонтальных ветвей елей и пихт. Высота расположения гнёзд составляет 68-390, в среднем 168 см от земли. Бо́льшая часть гнёзд обнаружена на высоте 130-180 см.



Расположение гнёзд бледного дрозда. Обозначения в тексте

Внешний вид, форма и размеры гнёзд бледного и сизого дрозда сходны, близки и коэффициенты вариации размеров (табл. 1). Аккуратные плотные постройки, вероятно, принадлежат парам, уже имеющим опыт гнездования, а рыхлые гнёзда со свисающими от основания пучками тонких трав – молодым птицам. В качестве основного строительного материала традиционно используются стебли и листья мареновых (преимущественно марены лесной, реже подмаренников), злаков, веточки деревьев и кустарников, на которых или рядом с кото-

рыми устраивается гнездо. Реже в постройку вплетаются корешки и метёлки злаков, стебли и листья осок, бобовых и других вьющихся трав, листья ландыша, папоротники, хвоя кедра, измочаленная кора, зелёный мох, сухие листья деревьев и кустарников, иногда взятые из лесной подстилки целыми слоями. Лоток, оформленный землёй, обычно вначале выстилается несколькими сухими листьями деревьев и кустарников, затем корешками. В небольшом количестве используются злаки, тоненькие вьющиеся стебли и усики травянистых лиан, мох, тоненькие стебельки мареновых, иногда измочаленные кусочки бересты и коры других деревьев. В хвойно-широколиственных лесах в лотках гнёзд бледного дрозда почти всегда присутствует хвоя кедра.

Таблица 1. Размеры гнёзд бледного *Turdus pallidus* и сизого *T. hortulorum* дроздов, см

Характеристика гнезда	Среднее	Min.	Max.	Коэффициент вариации	Число измерений
Диаметр гнезда	12.94-11.78 12.76-11.59	11.5-9.0 11.0-9.5	14.5-14.0 15.0-14.0	0.065-0.094 0.068-0.090	25 53
Диаметр лотка	9.92-8.99 9.33-8.57	9.0-7.5 7.0-6.0	11.5-10.5 11.0-11.0	0.066-0.081 0.100-0.120	25 53
Высота гнезда	11.18 10.68	7.5 7.0	16.5 15.0	0.18 0.19	25 51
Глубина лотка	5.74 5.62	4.5 4.0	8.0 7.5	0.18 0.15	25 51

Примечание: верхняя строка – бледный дрозд, нижняя – сизый.

Строится гнездо обычно около 5 дней, строительный материал собирается в непосредственной близости от гнезда.

Откладка яиц начинается сразу же или через день после постройки гнезда. Самка откладывает по одному яйцу в сутки, вероятно ночью или рано утром. В норме кладка содержит 4-5 яиц (в среднем 4.29 по 25 кладкам). Иногда встречаются гнезда с 2-3 яйцами – это либо повторные кладки, либо такие, часть яиц в которых погибла. Как и у сизого дрозда (Вальчук и др. 1984), форма и размеры яиц сильно варьируют у отдельных пар и внутри одной кладки. Размеры яиц (n = 80), мм: 24.9-31.9×19.0-22.6, в среднем 27.67×20.61, коэффициент вариации 0.05×0,03; масса яиц (n = 38) 4.9-8.21, в среднем 6.26 г, коэффициент вариации 0.14. У сизого дрозда размеры яиц (n = 171), мм: 22.2-31.6× 18.1-22.95, в среднем 27.46×20.04, коэффициент вариации 0.05×0.04; масса яиц (n = 53) 3.9-6.44, в среднем 5.27 г, коэффициент вариации 0.12. Окраска яиц тоже не может являться чётким видовым признаком. Голубовато-зелёный фон имеет множество переходов от глубокого и насыщенного с ярким зелёным оттенком до бледного грязновато-голубого. Многочисленные поверхностные и глубинные пятна рисунка отличаются размерами, чёткостью границ; могут покрывать яйцо почти

сплошной сетью, слегка сгущаться к тупому концу или образовывать неясную шапочку вокруг него. Поверхностные пятна чаще коричневые разных оттенков, красновато- или бордово-коричневые. Глубинные – буровато-коричневые, бурые или фиолетово-бурые. Нередко одно-два яйца в кладке отличаются по окраске от остальных.

Насиживание начинается, по-видимому, с предпоследнего яйца, так как наклюнутые яйца отмечались уже на 11-12-й день после завершения кладки; вылупление растягивается на 2, иногда на 3 сут. Птенец, появившийся последним, обычно сильно отстаёт в развитии. Насиживает только самка. В первые дни она очень осторожна, при появлении наблюдателя слетает с гнезда молча, обычно вниз, возвращается нескоро и никакого беспокойства во время осмотра гнезда не проявляет. К концу насиживания потревоженная самка держится на соседних деревьях; на её негромкое «чеканье» прилетает самец; обе птицы не отлетают из пределов видимости гнезда. Во время насиживания самец поёт особенно интенсивно, часто даже в дневные часы. Массовое вылупление птенцов первых выводков приходится на вторую-третью декады июня.

Наши материалы дополняют и уточняют краткое описание пуховичка бледного дрозда (Нейфельдт 1970). У 34 только что вылупившихся птенцов на надглазничных, затылочной, спинной, плечевых, локтевых птерилиях пух золотисто-палевого цвета, часто концы пушинок чуть темнее. Средняя длина пуха на спине 11.4, на голове 8.2 мм. На кисти и копчике светлые рудиментарные пушинки. У некоторых птенцов на кисти они располагаются в 2 ряда, у некоторых вовсе отсутствуют. По краям копчика часто имеется по 1 длинной пушинке, срединные же едва заметны. Кожа сразу после вылупления телесного цвета, но уже к концу первого дня приобретает оранжевый, иногда оранжево-жёлтый или красноватый оттенок. Лапы телесные или желтовато-телесные; когти беловато-телесные или телесные, иногда с жёлтым оттенком. Клюв серовато-телесный или телесно-серый, иногда между кончиком клюва и ноздрями видна чёткая серая полоска; конёк надклювья чуть светлее; клювные валики бледно-жёлтые, яйцевой зуб серовато- или желтовато-белый; ноздри овальные. Основание языка розоватое, кончик языка и стенки ротовой полости ярко-жёлтые. Глаза и ушные отверстия закрыты.

Особенно интенсивно птенцы бледного дрозда растут в первые 3-4 дня жизни (табл. 2). В это время особенно заметно отставание в развитии птенцов, вылупившихся последними, которые часто погибают. К моменту вылета развитие выживших птенцов в основном выравнивается. На 3-й день у птенцов приоткрываются ушные отверстия и глаза. Кожа и все роговые часта тела приобретают оранжево-жёлтый оттенок, а на 5-й день становятся оливковыми. На 5-й день у большинства птен-

цов прорезаются пеньки на брюшных, грудных и бедренных птерилиях; ушные отверстия и глаза открываются полностью. На 6-й день на шее и голове прорезаются пеньки, на остальных птерилиях – кисточки; появляются кисточки маховых и пеньки рулевых. На 9-10-й день птенцы почти полностью оперены, у них растут верхние кроющие маховых и все кроющие рулевых, интенсивно растут крылья и хвост. В этом возрасте выводок по тревоге уже может покинуть гнездо.

Таблица 2. Развитие птенцов бледного дрозда (средние показатели)

Возраст, дни	*n*	Масса, г	Длина, мм						
			Клюв	Цевка	Кисть*	Пеньки		Кисточки	
						Маховых	Рулевых	Маховых	Рулевых
1	34	7.42	3.29	9.2	9.6	–	–	–	–
2	13	11.52	3.89	11.73	11.73	–	–	–	–
3	11	16.18	4.28	14.6	14.45	–	–	–	–
4	15	24.96	5.19	18.59	18.77	3.15	–	–	–
5	15	29.7	5.52	22.25	22.83	7.27	–	–	–
6	5	35.6	6.01	25.33	26.42	13.9	До 0.35	–	–
7	4	35.06	6.09	28.34	26.28	19.4	2.01	3.2	–
8	6	38.76	6.73	29.41	30.74	–	3.15	7.61	1.54
9	5	48.08	7.5	32.0)1	56„63	–	5.45	14.68	2.25
10	3	–	8.07	31.83	63.6	–	–	25.45	3.88
11	Э	–	8.33	32.33	66.8	–	–	30.43	6.67
12	2	–	9.25	34.75	71.45	–	–	36.8	5.95

* – с 9-го дня измерялось крыло.

В первые дни жизни птенцов самка почти не принимает участия в кормлении птенцов и оставляет гнездо редко на 5-6 мин, вероятно, чтобы покормиться. Максимальное время её отсутствия – 36 мин. Возвращается с кормом редко, собирает его в непосредственной близости от гнезда. К скрадку с наблюдателем птицы привыкают в течение одного дня. Самец более осторожен и в первый прилёт долго не решается отдать корм птенцам. Самка вначале садится головой к скрадку и реагирует на малейший шорох, затем успокаивается, меняет позу каждые 3-5 мин, поворачивается, часто трогает птенцов клювом, заглатывает их экскременты. Днём самец носит корм реже, 1-2 раза в час в первые дни, а в дальнейшем общая интенсивность кормления увеличивается, оставаясь максимальной утром и вечером. В одном из наблюдаемых гнёзд сразу после вылупления птенцов за два вечерних часа (с 17 до 19 ч) самец приносил корм 9 раз с интервалами 8-14 мин, самка за это время 4 раза оставляла гнездо на несколько минут и дважды возвращалась с кормом. Часто самка не улетает, когда самец приносит корм, а соскакивает на край гнезда, заглатывает экскременты и снова садиться обогревать птенцов. Самец подлегает к гнезду молча, лишь

иногда с предупредительным тихим пощёлкиванием, обычно снизу; в отсутствие самки часто сидит на краю гнезда, дожидаясь её возвращения, оклёвывает с птенцов залетевший в гнездо гнус, заглатывает экскременты; улетает также тихо, вначале вниз от гнезда. Несмотря на то, что основная тяжесть выкармливания птенцов лежит на самце, он успевает петь на гнездовом участке, используя 15-20-минутные перерывы. Самка участвует в кормлении птенцов, по-видимому, в зависимости от погодных условий. В одном из наблюдаемых гнёзд период от вылупления до вылета птенцов совпал с сильными ежедневными ливневыми дождями. Самка из этого гнезда почти не кормила птенцов и на 8-й день, оставляла их очень редко, на 3-5 мин. Самец, наоборот, носил корм особенно интенсивно, и птенцы благополучно вылетели на 11-й день.

Поведение родителей резко меняется во время гнездования, особенно к вылету птенцов. В период постройки гнезда, откладки яиц и начала насиживания птицы очень осторожны и стараются покинуть гнездовой участок незаметно; к моменту вылупления держатся в 10-15 м от гнезда и подают негромкие тревожные сигналы; примерно к пятому дню жизни птенцов отдельные пары проявляют агрессивность по отношению к наблюдателю, пытаются пикировать и отгонять его громким криком. Тревожный крик бледного дрозда не имеет ничего общего с криком сизого. Это звонкий (а не приглушенный), частый и более размеренный треск и «чеканье». Часто птицы поднимают крик, если человек или животное появляется вблизи гнезда, – сами таким образом выдают его местонахождение. Нередко нам приходилось наблюдать, как на крики тревоги бледных дроздов слетались другие птицы – желтогорлые овсянки *Emberiza elegans*, поползни *Sitta europaea*, болотные гаички *Parus palustris*, белоглазки *Zosterops erythropleurus;* иногда они даже подлетали к гнезду и садились над ним, но дрозды на это никак не реагировали.

Вылет в норме происходит на 13-14-й день, при этом достаточно одному птенцу выпрыгнуть из гнезда и подать голос, чтобы остальные тут же последовали его примеру. Слётки сначала выскакивают на землю, затем стараются забраться повыше на веточки кустарников поблизости от гнезда и затаиваются. Передвигаются в первые дни после вылета ещё очень плохо, способны лишь перепархивать с ветки на ветку; взрослые птицы проявляют при этом крайнее беспокойство и агрессивность. Массовый вылет птенцов первых выводков приурочен к третьей декаде июня.

Ко вторым кладкам приступают, по-видимому, не все пары, так как во второй половине лета гнёзда бледных дроздов встречаются гораздо реже. Наиболее поздняя кладка отмечена 22 июля (Панов 1973); взрослая самка с сильно увеличенными яичниками добыта в Приморье 13

июля 1940 (Иванов, ЗИН). Возможно, период гнездования очень сильно растянут из-за большого процента гибели гнёзд и неоднократного повторного откладывания яиц. Имеющиеся в коллекциях молодые птицы с интенсивно растущим контурным пером и наполовину отросшими маховыми и рулевыми в основном делятся на две группы: добытые в конце июня – начале июля и в конце июля – начале августа, но встречались они на протяжении всего лета вплоть до начала сентября.

Питание бледного дрозда изучалось только в Хабаровском крае. Набор кормов здесь определяется, по-видимому, кормовыми особенностями биотопов, меняющимися на протяжении сезона. Анализ проб из пищеводов птенцов (табл. 3) показал, что с 25 июня по 2 июля 1987 основу их пищи по встречаемости и объёму составляли гусеницы чешуекрылых, имевшие в это время пик численности и биомассы. Для выкармливания птенцов дрозды охотно собирали также дождевых червей, моллюсков, перепончатокрылых и личинок двукрылых. В порциях корма содержалось от 1 до 8 часто довольно крупных объектов. Так, однажды самец принёс сразу 8 гусениц от 16 до 20 мм длиной и покормил нескольких птенцов. Крупные объекты (дождевые черви) обычно разрываются родителем на несколько частей и скармливаются нескольким птенцам.

Таблица 3. Пища птенцов бледного дрозда (15 проб)

Объект питания	Фаза развития	Длина, мм	Число экз.	Число встреч
Дождевые черви Lumbricidae	imago	43-85	3	3
Брюхоногие моллюски Gastropoda	imago	–	3	3
Пауки Aranei	imago	3-6	2	1
Многоножки Myriapoda	imago	13	1	1
Жуки Coleoptera:				
Silphidae *(Phosphyga atrata)*	imago	16	1	1
Прочие жуки	imago	–		3
Двукрылые Diptera:				
Diptera caliptrata	larvae	–	1	1
Tipulidae	imago	–	1	1
Прочие двукрылые	larvae	3-8	3	3
Перепончатокрылые Hymenoptera:				
Formicidae	larvae	–	1	1
Tenthredinidae	larvae	9	1	1
Прочие перепончатокрылые	imago	4	3	3
Чешуекрылые Lepidoptera:				
Noctuida	larvae	18-31	17	8
Geometridae	larvae	10	1	1
Iponomeutidae	larvae	16	7	1
Pyralidae	larvae	20	2	1
Прочие насекомые	imago, larvae	–	3	3

В желудках 4 молодых и 1 взрослой птиц, добытых в сентябре, преобладали жуки (Scarabaeidae: *Aphodius rectus*, *Ectinohoplia* sp.; Nitidulidae: *Librados* sp.; Elateridae; Carabidae: *Chlaenius pallipes)* – 34 экз. (5

встреч), мелкие уховертки Dermoptera – 102 (2). Обнаружены двукрылые Diptera (Muscidae) – 1, моллюски (Gastropoda) – 1, косточки винограда – 2 (1), плоды .майника – 4 (1), семена аралии – 34 (1), семена и плоды других растений – 16 (2). Желудок взрослой самки, добытой в конце мая, был заполнен мелкими жуками (Elateridae – 11; Attelabidae – 1; Scarabaeidae – 5: *Citonia magnifica*, *Selatosomus* sp.; Curculionidae – 1: *Curculio gistinquendus*; Chrysomelidae — 1: *Gonionecta* sp.). В желудках бледных дроздов Южного Приморья весной и осенью обнаружен сходный набор кормов (Нечаев, Назаров 1968).

Общая успешность гнездования бледного дрозда составила 55% (по 20 гнёздам), но, как и у сизого дрозда, она зависит от условий сезона: процент гибели гнёзд увеличивается в дождливую и ветреную погоду. Общими являются и основные враги у этих птиц – чёрная Corvus corone orientalis и большеклювая *C. macrorhynchos* вороны, возможно, сорока *Pica pica* и змеи.

Осенние кочёвки бледных дроздов начинаются в конце июля –августе. В это время в их рационе начинают в массе встречаться растительные корма – ягоды и сочные плоды, поэтому птиц можно встретить даже на окраинах полей. Отлёт в Хабаровском крае наблюдается в конце сентября. Птицы не собираются в стаи, ведут одиночно-групповой и довольно скрытный образ жизни. В Соболевском охотхозяйстве 29 сентября 1979 одиночные бледные дрозды наблюдались в смешанных стаях рыжих *Turdus naumanni* и тёмных *T. eunomus* дроздов. В Приморье массовый отлёт идёт в первой декаде октября. Во второй половине октября птицы отмечены уже на местах зимовок в Японии (Гладков 1954). В коллекции БПИ ДВО АН СССР имеется взрослый самец в свежем пере, добытый В.И.Лабзюком в Ольгинском районе Приморья 4 ноября 1982. Это самая поздняя встреча бледного дрозда, возможно, аномальная.

Литература

Вальчук О.П., Назаров Ю.Н., Небайкина Н.В. 1984. К биологии сизого дрозда (*Turdus hortulorus* Sclater) // *Науч. докл. высш. школы. Биол. науки* 10: 46-51.

Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.

Гладков Н.А. 1954. Семейство дроздовые Turdidae // *Птицы Советского Союза*. М., **6**: 398-621.

Елсуков С.В. 1984. К орнитофауне морского побережья Северного Приморья // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 34-43.

Кисленко Г.С. 1965. О численности птиц в нижнем течении р. Хор (Уссурийский край) // *Орнитология* **7**: 472-473.

Кисленко Г.С. 1969. Птицы некоторых ландшафтов нижнего течения Уссури // *Учён. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К.Крупской* **224**: 49-74.

Коренкова Р.И. 1969. О структуре населения птиц Супутинского заповедника (Приморский край) // *Учён. зап. Моск. пед. ин-та им. В.И.Ленина* **362**: 145-151.

Кулешова Л.В., Матюшкин Е.И., Кузнецов Г.В. 1965. Орнитогеографический очерк хребта Хехцир (Приамурье) // *Орнитология* **7**: 97-107.

Кушнарёв Е.Л. 1984. Антропогенные сукцессии орнитосообществ и территориальные связи местообитаний западного Сихотэ-Алиня // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 71-78.

Назаренко А.А. 1968а. Птицы чернопихтово-широколиственных лесов и южных кедровников // *Биогеоценотические исследования в лесах Приморья*. М.; Л.: 134-149.

Назаренко А.А. 1968б. Ценотические реликты и ландшафтная приуроченность неморальной орнитофауны юга Дальнего Востока // *Орнитология* **9**: 121-130.

Назаренко А.А. 1971. Птицы вторичных широколиственных лесов Южного Приморья и некоторые аспекты формирования природных сообществ // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 79-97.

Назаренко А.А. 1984. Птичье население смешанных и темнохвойных лесов Южного Приморья // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 60-70.

Нейфельдт И.А. 1970. Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **47**: 111-181.

Нечаев В.А., Назаров Ю.Н. (1968) 2018. О питании дроздов в Южном Приморье // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1602): 2033-2038.

Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.

Симонов С.Б. 1985. К методике учёта птиц на круговых площадках // *Зоол. журн.* **64**, 1: 124-129.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1632**: 3141-3142*

Наблюдения лопатней *Eurynorhynchus pygmeus* на побережье Японского моря в Лазовском заповеднике в августе 1986 года

Д.А.Банин

*Второе издание. Первая публикация в 1989**

В Лазовском заповеднике одиночные кулики-лопатни *Eurynorhynchus pygmeus* встречены 9 и 12 августа в бухте Та-Чингоуза (Просёлочная) (рис. 1) и 11 августа – в бухте Заря (рис. 2), ещё 2 птицы наблюдались в первом пункте 14 августа. Во всех случаях лопатни кормились на песчаных пляжах берега моря (однажды на берегу реки в её устье), в трёх случаях вместе или рядом с песочниками-красношейками *Calidris ruficollis*. Кормёжка происходила следующим образом: лопатень бежал за откатывающейся волной и вылавливал из взбаламученного песка, покрытого тонким слоем воды, мелких рачков. При этом он, не поднимая головы, несколько раз проводил клювом по песку из стороны в сторону, а затем быстро убегал от наката следующей волны.

* Банин Д.А. 1989. Наблюдения лопатней на побережье Японского моря в Лазовском заповеднике в августе 1986 года // *Информация рабочей группы по куликам*. Магадан: 59.

Бухта Та-Чингоуза. Японское море. Сентябрь 2010. Фото В.Серебрянского

Бухта Заря. Японское море. Сентябрь 2010. Фото В.Серебрянского

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1632****: 3143*

Новые сведения о миграциях охотского улита *Tringa guttifer*

В.А.Нечаев

*Второе издание. Первая публикация в 1990**

В настоящее время места гнездования охотского улита *Tringa guttifer* известны на Северном Сахалине, куда птицы прилетают со стороны материка. На Южном Сахалине пролёт этого вида не выражен. За период наблюдений (с 1976 по 1988 год) за весенними миграциями куликов на заливе Анива (бухта Лососей) охотских улитов регистрировали только один раз: 3 птицы – 29 мая 1979 (наблюдения В.Д.Куренкова). Там же с 22 по 28 мая 1969 мною встречены 4 птицы. Охотские улиты держались вместе с речными *Sterna hirundo* и камчатскими *S. camtschatica* крачками на песчано-илистых отмелях мелководной бухты Лососей вблизи устья реки Сусуя. Два из них, видимо самцы, временами издавали характерные брачные крики. Таким образом, слабо выраженный пролёт охотских улитов происходит и со стороны Японских островов.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1632****: 3143-3144*

Находка восточного зуйка *Charadrius veredus* в юго-восточной Туве

В.И.Емельянов

Второе издание. Первая публикация в 1990†

До последнего времени с территории Тувы известна единственная находка восточного зуйка *Charadrius veredus* (Головушкин 1970). 11 мая 1989 в районе озера Торе-Холь (Эрзинский район) мы наблюдали трёх зуйков этого вида, которые держались к северо-востоку от озера в 100-150 м от изрезанного водной эрозией глинистого берега. Окружающий биотоп представлял собой ровный участок сухой степи с одиночно

* Нечаев В.А. 1990. Новые сведения о миграциях охотского улита // *Информация Рабочей группы по куликам*. Магадан: 50-51.
† Емельянов В.И. 1990. Находка восточного зуйка *(Charadrius veredus)* в юго-восточной Туве // *Информация Рабочей группы по куликам*. Магадан: 49.

стоящими низкорослыми караганами. Добытый экземпляр оказался самцом в третьем брачном наряде и имел длину крыла 170 мм (у тушки – 166 мм); цевки – 47.7 мм; длину надклювья – 21.0 мм. Зуёк был слабо упитан, с не увеличенными семенниками. Оставшиеся две птицы улетели в северо-западном направлении и в последующие дни там более не встречены.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1632**: 3144-3145*

Кроншнеп-малютка *Numenius minutus* и песочник-красношейка *Calidris ruficollis* в Казахстане

В.В.Хроков

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

Кроншнеп-малютка *Numenius minutus*. На берегу озера Алаколь (урочище Горький Ключ) 8 сентября 1987 в паутинную сеть отловлена молодая самка. Это вторая достоверная находка кроншнепа-малютки в Казахстане: в окрестностях Кзыл-Орды 8 сентября 1928 была добыта одиночная птица (Долгушин 1962). Сообщение Н.Н.Андрусенко и Н.А. Дуденкова (1982) о встречах летом 1978 года трёх кроншнепов-малюток не подтверждено добытыми экземплярами.

Песочник-красношейка *Calidris ruficollis*. На озере Алаколь 2 августа 1987 отловлена взрослая, а 5 сентября – молодая птица. Впервые для Казахстана песочник-красношейка был отмечен в 1979 году (Хроков и др. 1980). На озере Сорбулак в Алма-Атинской области взрослые и молодые особи этих куликов отлавливались также в июле-сентябре 1980,1981 и 1985 годов, что позволяет отнести красношейку к редким пролётным птицам юго-восточного Казахстана. Одиночный песочник-красношейка добыт в августе 1978 года на озере Маркаколь Н.Н.Березовиковым.

Литература

Андрусенко Н.Н., Дуденков Н.А. 1982. Фаунистические заметки по куликам оз. Тенгиз // *Орнитология* **17**: 155.

Долгушин И.А. 1962. Отряд кулики // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 40-45.

* Хроков В.В. 1988. Фаунистические находки в Казахстане // *Информация Рабочей группы по куликам*. Владивосток: 41-42.

Хроков В.В., Гаврилов Э.И., Ерохов С.Н. 1960. Песочник-красношейка – новый вид в фауне птиц Казахстана // *Изв. АН КазССР*. Сер. бнол. 3: 82-83.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1632****: 3145*

Белая сова *Nyctea scandiaca*, бородатая неясыть *Strix nebulosa* и сизоворонка *Coracias garrulus* в Ярославской губернии

Л.Александров

*Второе издание. Первая публикация в 1914**

К числу редких залётных птиц Мышкинского уезда Ярославской губерн6ии относится белая полярная сова *Nyctea scandiaca*, пролёт которой в названных местах наблюдается ежегодно в октябре и ноябре. Совы эти летят небольшими партиями по 5-6 штук и останавливаются на несколько дней в полях и вообще открытых местах, где подкрадываться к ним бывает довольно трудно. За прошлый, 1913 год пролёт белых сов в окрестностях станции Родионово (Рыбинско-Бологовская железная дорога) наблюдался в обычное время, причём взято их всего здесь местным охотником и таксидермистом Кобяковым 13 штук. Первые две были убиты у подраненого зайца, которого совы отбивали от собаки (гончей), а затем, когда они стали осторожны, их приходилось скрадывать с лошади, подъезжая на подводе довольно близко. Следует заметить, что молодые экземпляры сов всегда имеют оперение с тёмными поперечными пятнами и кажутся пёстрыми; старые же – совершенно белого цвета. Все убитые совы пошли на приготовление чучел и распроданы здесь, в Рыбинске, по 7 рублей за экземпляр. Некоторые экземпляры были очень внушительны и красивы. Здесь же нередко появляются и лапландские совы *Strix nebulosa* (светло-серые), а в 1913 году был добыть Кобяковым один экземпляр сизоворонки *Coracias garrulus*, очень редкой птицы для наших северных мест.

Интересно бы узнать, повсеместно ли наблюдается пролёт полярной совы, и чем вызываются эти массовые её передвижения?

* Александров Л. 1914. Зоологические мелочи. Белая полярная сова // *Охотничий вестник* 12: 198.